

Размышления над новой книгой

© 2025 г.

Н.В. КОРЫТНИКОВА

ОПРОСЫ ОБЩЕСТВЕННОГО МНЕНИЯ: ВАРИАНТЫ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ В УСЛОВИЯХ ВОЕННОГО КОНФЛИКТА

КОРЫТНИКОВА Надежда Владимировна – кандидат социологических наук, доцент, ассоциированный член Группы восточных, славянских и неоэллинистических исследований (UR 1340), Страсбургский университет, Страсбург, Франция (kort-nadeshda@yandex.ru).

Аннотация. В рецензии представлен критичный обзор методических приемов, используемых авторами для обобщения разных замеров общественного мнения и экспертного заключения по отношению россиян к спецоперации. В частности, обращается внимание на необходимость применения корректных формулировок вопросов. Аналитические выводы В.Б. Звоновского и А.В. Ходыкина основаны на методической и исследовательской триангуляции. В своей работе авторы применяют методики снижения чувствительности опросного инструментария, оценивают репрезентативность проведенных опросов в России, сопоставляют результаты разных исследовательских компаний. В ситуации государственной цензуры и самоконтроля за безопасностью исследователей на первый план выходят техники сбора данных и аналитические приемы. Подчеркивается, что прозрачность методологических процедур защищает от манипуляций социологической информацией. Утверждается важность социальной экспертизы при глобальных трансформациях и актуальность проблемы доступа к объективным оценке общественных настроениях и социальному напряжению.

Ключевые слова: опросы общественного мнения • чувствительность вопросов • исследовательская триангуляция • внутренняя валидность

DOI: 10.31857/50132162525010189

Книга В.Б. Звоновского и А.В. Ходыкина «Российское общественное мнение в условиях военного конфликта, 2022–2023»¹ не попадет в список литературы для широкого читателя, но будет включена в список литературы для желающих разобраться в кухне социологической работы и убедиться в последовательной логике рассуждений экспертов. В монографии социологи показывают сложности изучения общественного мнения при неоднозначности оценок качества опроса и противоречиях в трактовках. Выводы делаются только после того, как авторы очертят теоретическую рамку исследования, выскажут ограничения, примут допущения и разграничат данные от объяснений. Размах показателей разных серий замеров в единой оптике «поддержки/неподдержки специальной

¹ Звоновский В.Б., Ходыкин А.В. Российское общественное мнение в условиях военного конфликта, 2022–2023. Chișinău: Historical Expertise, 2024. 340 с.

войской операции (СВО)» помогает довериться социологическим опросам и понять российское общественное мнение в условиях военного конфликта.

Заглавие интригует обещанием дать ответ на волнующий социологов вопрос: возможно ли вообще изучать с помощью массовых опросов российское общество в период спецоперации. Есть предубеждение, что для этого следует использовать совершенно другие методы, в частности пассивные (нереактивные). Технологии информационной войны и активизация цифрового контроля на безмерном интернет-пространстве приводят к опасности и ограничениям традиционного сбора социологических данных с помощью опросов. Некоторые исследователи считают, что социологи должны остановиться и соблюдать «день тишины» ради исключения соответствующих рисков. В то же время важно документировать социальные процессы, которые происходят в условиях серьезных социогуманитарных катализмов. Главное, чтобы социологические измерения использовались с благими целями управления обществом, а на реальный ход событий влияли бы только объективные результаты научных исследований.

Подбор номинаций для описания военного конфликта. Любой текст, адресованный массовой аудитории или описывающий массовое сознание, состоит из слов с определенными семиотическими нагрузками и коннотациями. От бытового общения до научной коммуникации информационное пространство кризисного общества гиперсемиотизируется. Так, по тексту книги используются разные номинации для описания происходящего на территории Украины, а именно: война, конфликт, СВО, спецоперация, интервенция, вторжение. Перечисленные слова несут в себе разную смысловую нагрузку для обозначения высказываемой позиции и условно объединяются в три группы номинаций, указывающих на разные категории населения по отношению к войне. С целью выделения словесных выборов авторов для характеристики общественного мнения проведен частотный анализ лексем, встречающихся в книге в ходе рассмотрения ключевого события (табл.).

Для описания военного конфликта в книге наиболее часто представлены официальные названия – слово «спецоперация» (122 упоминания) и аббревиатура «СВО» (321 упоминание), которые предпочитают сторонники СВО. Слово «освобождение» упоминается всего два раза как довод государственной пропаганды. Слово «возвращение» встречается 13 раз, однако не всегда в контексте задач спецоперации². Только шесть упоминаний касаются

Таблица

Частота упоминаний лексем и групп номинаций для описания военного конфликта

Лексемы	Количество упоминаний	Группа номинаций	Частота по группам
Спецоперац*	122	Сторонники	458
СВО	321		
Освобожден*	2		
Возвращен*	13	Нейтральные	370
Войн*	114		
Конфликт*	256	Противники	336
Интервенц*	285		
Вторжен*	43		
Агресс*	7		
Оккупац*	1		

² Контекст СВО: 1) возвращение советских времен; 2) «возвращение исконных территорий»; 3) возвращение утраченного; 4) возвращение Крыма и Донбасса; 5) возвращение Донбасса без Крыма; 6) «возвращение исконных земель». Общий контекст: 1) возвращение имен и создание комиссий правды и примирения (Н. Эппле); 2) закавыченная метафора «вечное возвращение» (Дж. Александр); 3) предсказания о возвращении кометы Галлея (Р. Мертон); 4) возвращение островов под британский суверенитет; 5) возвращение к стабильно пессимистичному взгляду на будущее; 6) возвращение к практикам выживания прошлых лет; 7) к советским технологиям.

возвращения как советских времен, так и исконных территорий Крыма и Донбасса. Другая половина упоминаний слова «возвращение» связана с теоретическими тезисами, а также с обращением к иностранному опыту и с характеристикой адаптации россиян.

Нейтральные лексемы «конфликт*» (256 упоминаний) и «войн*» (114 упоминаний) одинаково широко используются авторами в тексте и позволяют высказываться без привязки к тем или иным взглядам и установкам.

В качестве номинаций, соответствующих взглядам противников войны, чаще применяется заимствованный англоязычный вариант – слово «интервенция» (285 упоминаний), а не русское – слово «вторжение» (43 упоминания). Применение лексемы «аггрес*» (7 упоминаний) представляет собой неоднозначные контексты. Во-первых, Россия – агрессор. Для аргументации позиции противников появляется словосочетание «военная агрессия» (с. 110). Прилагательное «агрессивный» описывает отношения некоторых россиян «как к украинским войскам, так и жителям Украины, объединившимся для защиты своей страны» (с. 112). Во-вторых, Россия – не агрессор. Сторонники СВО хотят отмежеваться от риторики украинской пропаганды для характеристики России как нападающей страны. В этом значении слово «агрессор» в книге встречается в цитатах глубинных интервью, когда респондент отрицает радикальную номинацию происходящего: «Мы всегда не были агрессорами, как сейчас нас называют» (с. 143, 252). В-третьих, агрессия против России. В заявленных целях спецоперации проявился зеркальный контекст, когда агрессия направлена против России: «В соответствии с кремлевским нарративом Украина нужна Североатлантическому альянсу как плацдарм для будущей агрессии против России» (с. 305). Еще два упоминания относятся к общему контексту рассматриваемой лексемы: агрессия в других странах (с. 208), агрессивность как свойство личности (с. 9). Слово «оккупация» при всей своей распространенности в медиапространстве в книге используется один раз для указания на отношение украинцев к России: «... советские времена воспринимаются украинским общественным мнением как годы оккупации кремлевской властью» (с. 303).

Если учесть, что аббревиатура «СВО» часто включалась в формулировки вопросов анкеты, то в книге соблюден семантический баланс: частота номинаций противников войны – 336, нейтральные номинации – 370; частота номинаций сторонников войны – 458. Следовательно, выделенные группы номинаций изучаемых событий используются пропорционально одинаково. Таким образом, авторы показывают выверенную позицию и равномерно охватывают все подходы для описания отношения к исследуемой ситуации. Эмоционально окрашенная лексика сведена к минимуму и не влияет на восприятие представленных тезисов.

Внутренняя валидность чувствительных вопросов. Внутренняя валидность чувствительных вопросов всегда под пристальным вниманием и подразумевает тонкую проверку на релевантность индикаторов для исследовательской задачи. Так, при изучении общественного мнения россиян в условиях военного конфликта перед социологами стоит задача обосновать адекватность операционализации основного понятия «война». Сложность заключается в том, что некоторые высказывания расцениваются как дискредитация спецоперации и Вооруженных сил РФ. Первоначальное допущение о непригодности прямых вопросов приводит к необходимости опираться на аналитические техники, помогающие учесть риски смещений и заложить их в итоговые интерпретации. Авторы решают эту проблему путем включения в анкету косвенных признаков, через учет параданных опросов, с помощью триангуляции полученных разными организациями результатов. На основе сопоставления данных по прямым и косвенным переменным сверяются процентные распределения, вычисляется значимость различий и применяются другие математические методы для коррекции искомых долей.

Авторы рассуждают о политических настроениях на основе фактов участия-неучастия в опросе и динамики уровня ответов. Рассмотрение причин отказа от интервью, затруднений в ответах на некоторые вопросы помогает вскрыть вероятные искажения в получившихся распределениях по сенситивным вопросам. Тем самым показатели отношения

к исследованию (например, отказы от участия в опросе, прерванные интервью и т.д.) играют существенную роль в оценке смещений выборки, корректности формулировок и установки на искренность респондентов. Отказы в телефонном интервью могут быть связаны с общей напряженной обстановкой, режимом экономических санкций, разочарованием в публичном поле, усталостью от информационных атак и желанием отсторониться от неминуемых в случае военных конфликтов насилия, агрессии, горя, масштабности жертв и разрушений. В условиях повседневного стресса и контроля для противников СВО само желание свободно высказать свое мнение во время опроса рассматривается как четкая позиция – открытая, смелая, уверенная, а потому искренняя и устойчивая. Поначалу может показаться, что согласие на участие в опросах априори исключает тех, кто придерживается антивоенных взглядов. Однако на коопérationю респондентов такая обстановка не влияет. Итоговый вердикт экспертов оптимистичен: «Настороженность респондентов в целом остается на прежнем уровне» (с. 60).

Репрезентативность опросов общественного мнения. В итоговом резюме к первой главе говорится о надежной репрезентации населения России в опросах общественного мнения. При этом авторы фиксируют небольшое смещение выборок: в выборочной совокупности «доля молодых мужчин от начала конфликта к постмобилизационным опросам хоть и не сильно, но значимо снижается» (с. 28–34). Казалось бы, можно пройти мимо и смело продолжать «репрезентировать» население и «штамповывать» ожидаемые результаты. К сожалению, реальность в таком случае все чаще будет становиться черно-белой, без серых оттенков. Для оценки репрезентативности телефонных опросов важно выделять причины, влияющие на изменения социально-демографических характеристик в случайных выборках. Наиболее очевидными можно считать миграцию молодежи за пределы России, уклонение от коммуникации с интервьюерами, сложности связаться по телефону с мужчинами на фронте. Только разбор таких подробностей позволяет быть уверенным в цифрах, выходить на верные характеристики социальной реальности.

С этой целью авторы затеваюят тщательную проверку причин уменьшения в выборочной совокупности доли молодых мужчин. В качестве главного аргумента приводится их релокация за рубеж. Далее авторы скромно добавили тех молодых людей, которые находятся на фронте. В зоне боевых действий военные вряд ли смогут ответить на телефонный звонок с неизвестного номера и уделить время для разговора с незнакомым человеком. Поэтому целесообразно оценить не только долю эмигрировавших, но и долю участников СВО, изначально не попадающих в число доступных респондентов. Две эти подгруппы молодых мужчин (релоканты и фронтовики) отличаются противоположным отношением к военному конфликту и вполне уравновешивают в выборке взгляды противников и сторонников спецоперации: первые – отрицают-избегают-уклоняются, вторые – поддерживают-рискуют-подчиняются.

Исследовательская триангуляция. Когда сравниваются схожие показатели и сопоставляются сведения из разного рода информационных ресурсов, заглушается критика по поводу ангажированности и фальсификаций. С целью исследовательской триангуляции авторы обращаются к разным доступным источникам с открытыми данными. Так, в книге использованы официальная статистика, результаты журналистских расследований, экспертные оценки, публикации в информационных агентствах. Кроме собственно ведущих российских социологических организаций (ВЦИОМ, ФОМ, ФСИ, Extremescan, Хроники, Russian Filed), представлены также данные Банка России о средней величине вклада на душу населения, отчеты Mediascope по изменению медиаландшафта, рейтинг городов России по качеству жизни от РИА Новости, журналистское расследование «Медиазона» с региональным распределением рекрута участников боевых действий, карта протестной активности от телеграм-канала «Незыгарь». Пристальное внимание к исследованиям многих организаций позволило авторам выполнить глубокую аналитику изучаемой темы с учетом разных методологических подходов.

Кроме этого, приводятся результаты опросов жителей Украины для описания их отношения к России и россиянам, возможностей диалога и перспектив разрешения российско-украинского конфликта (глава 6). Данные социологические замеры выполнены Киевским международным институтом социологии, группой исследовательских компаний «Рейтинг» и исследовательским проектом российского агентства «Extremescan»³. Эти центры имеют многолетнюю репутацию, академический авторитет и профессиональную востребованность. Однако украинские реалии проведения массовых опросов в период 2014–2023 гг. следует обозначить более развернуто и как минимум учитывать три момента.

1. Отсутствие объективных данных о генеральной совокупности. За годы независимости Украины Всеукраинская перепись населения проводилась только один раз в 2001 г. Любые попытки демографов и социологов убедить власть провести обязательный зондаж всего населения не имели успеха, а только приводили к девальвации демографических и социоэкономических экспертиз.

2. Ограничения исследовательского поля с 2014 г. Фактически у социологов нет возможностей проводить опросы на территориях, где ведутся боевые действия. В таких случаях необходимо обозначать отсутствие данных по неопрошенным категориям украинских граждан и исходить из получившейся выборки. Например, в заключении ко всей книге делается вывод, что отношения украинцев к России «до 2014 года было стабильно положительным, но лишь после начала интервенции оно стало плохим у девяти из десяти украинцев» (с. 322). С одной стороны, авторы верно делают вывод, что кардинальное изменение отношения к России у украинцев объясняется началом военного конфликта на Донбассе. С другой стороны, не учитывается, что такой резкий перекос в общественном мнении является еще и следствием серьезного ограничения из-за непопадания в выборку жителей Крыма, Донецкой и Луганской областей. А после 24 февраля 2022 г. затруднен опрос респондентов из других восточных регионов, которые обычно высказывались за более близкие связи с Россией.

3. Состояние опасности в условиях военного положения. Военное положение с 24 февраля 2022 г. продлевается каждые 90 дней, и на момент проведения опросов респонденты фактически ограничены в высказываниях из-за криминализации любых пророссийских взглядов. Именно об этом авторы говорят в заключении: «В любом случае необходимо понимать, что, отвечая так или иначе на вопросы интервьюера, респондент не выражает какую-то одну точку зрения вместо другой, а отражает именно ту точку зрения, которую считает социально безопасной выразить» (с. 318). К украинским респондентам это суждение также справедливо применить, и они выдают социально одобряемые ответы.

Естественно, не надо отказываться от вторичных результатов опросов, но при этом не забывать об ограничениях в интерпретации полученных данных и по возможности избегать некорректных исследовательских действий и псевдоаналитических выводов. Как известно, прозрачность методологических процедур защищает от манипуляций социологической информацией и становится стержнем, на котором держится эмпирическая социология.

Методическая триангуляция. Авторы используют большой спектр приемов для методической триангуляции: во второй главе – проективные и косвенные вопросы, модифицированные шкалы, железнодорожный тест; в пятой главе – качественные методики (интервью, фокус-группы). Контраст количественных и качественных данных сливается в единое изображение, где рамки между методологическими парадигмами смягчаются и уже не остается белых пятен и воспроизводится более четкая картина. Применяемые показатели разбираются с точки зрения их обоснованности и поиска более успешных методик для интерпретации полученных данных. Так, отношение россиян к СВО рассматривается в зависимости от разных факторов, влияющих на общественное мнение: теснота

³ Extremescan – одна из немногих российских социологических групп, работающих на украинском исследовательском поле.

связей с Украиной до военного конфликта, материальное положение, наличие социального окружения из Украины и другое.

В то же время для полноты описания важно понимать установки россиян к противоположной стороне конфликта – непосредственно к украинцам, украинской власти, военным. С этой целью авторы используют многолетний индекс отношения жителей России к Украине и жителей Украины к России, рассчитанный по результатам совместного проекта Киевского международного института социологии и российской негосударственной исследовательской организации «Левада-Центр», который осуществляется с 2008 г.⁴ Есть предположение, что респонденты испытывают трудности из-за неопределенности в вопросе: «Как вы в целом относитесь сейчас к Украине?» При ответах россияне под Украиной подразумевают то ли украинцев, то ли жителей Украины, то ли украинскую власть (в условиях активной фазы конфликта такая путаница усиливается). Поэтому значения индекса будут варьироваться в зависимости от указанного в формулировке объекта оценивания: жители Украины, украинцы или украинская власть. Косвенно колебания респондентов подтверждают сами авторы, выдвигая тезис о пластичности массового сознания и влияния на него информационных медиакампаний. Помимо уточнений по операционализации понятия «отношения к Украине» возникает потребность в анализе двумерного распределения изучаемых признаков. Так, при рассмотрении общественного мнения россиян логичным выглядит сопоставление показателя об отношении россиян к украинцам с показателем о (не)поддержке войны россиянами. Результаты объясняют взгляды россиян на российско-украинский конфликт: при положительном отношении к украинцам поддержка СВО означает стремление им помочь/освободить/защитить, а неподдержка – необходимость прекратить уничтожение братского народа; при отрицательном отношении к украинцам поддержка СВО подразумевает достижение территориальных захватнических целей, а неподдержка – желание отмежеваться от украинцев и исключить бесмысленные смерти своих граждан. Динамика изменений по данным показателям пригодится для определения устойчивости прогосударственных или оппозиционных векторов восприятия войны.

Отдельно следует прокомментировать железнодорожный тест⁵ (пункт 2.5), применение которого особенно уместно для нивелирования распространенного страха из-за высказывания социально не одобряемого мнения. В анкете представлены разные формулировки вопроса для сторонников и противников спецоперации⁶. Для противников используется нейтральная фраза «говорить в поддержку спецоперации», а в вопросе для сторонников включена отрицательная лексема – «осуждать спецоперацию» (с. 85). Респондент может поддерживать спецоперацию, готов высказываться о ней, но без оценочных суждений, т.е. он не позволяет себе кого-то судить. Чтобы сравнивать ответы без влияния отрицательных коннотаций, логично переформулировать вопрос в одном из двух вариантов:

– в одинаковой тональности («осуждать военные действия ВС РФ» – «осуждать военные действия ВСУ»; «поддерживать военные действия ВС РФ» – «поддерживать военные действия ВСУ»), что позволит избежать лексической нагрузки разных слов;

⁴ См.: <https://www.levada.ru/2021/03/03/rossijsko-ukrainskie-otnosheniya-9/> (АНО «Левада-Центр» внесена в реестр некоммерческих организаций, выполняющих функции иностранного агента. – Прим. ред.).

⁵ Читатели СоцИса знакомы с ним по публикации: Звоновский В.Б., Ходыкин А.В. Восприятие россиянами конфликта с Украиной: проверка гипотезы «спирали молчания» // Социологические исследования. 2023. № 11. С. 38–50. DOI 10.31857/S013216250028531-7.

⁶ «Сторонникам военных действий был задан вопрос: «Представьте такую ситуацию. Предположим, вам предстоит проехать несколько часов в поезде, и кто-то из попутчиков в Вашем купе начинает осуждать спецоперацию. Станете ли вы беседовать с этим человеком о ситуации в Украине или не обратите на это внимания?» Для противников СВО вопрос звучал следующим образом: «Представьте такую ситуацию. Предположим, Вам предстоит проехать несколько часов в поезде, и кто-то из попутчиков в Вашем купе начинает говорить в поддержку спецоперации. Станете ли вы беседовать с этим человеком о ситуации в Украине или не обратите на это внимания?» (с. 85).

– в нейтральном ключе без предварительного разделения на группы противников и сторонников («Предположим, вам предстоит проехать несколько часов в поезде, и кто-то из попутчиков в купе начинает высказывать противоположную вашей точку зрения в отношении спецоперации»). Этот вариант хоть и громоздкий, но позволит исключить разногласия, кому какой вопрос задавать.

Справедливым дополнением анкеты было бы изучение общественного мнения по поводу условий мирных соглашений. Так, в 2024 г. «Левада-Центр» уже включил в свои замеры вопрос «Как вы считаете, сейчас следует продолжать военные действия или начать мирные переговоры?»⁷. В развитие темы (не)поддержки СВО кроме закрытого вопроса следовало бы предложить открытый вопрос: «На каких условиях вы допускаете мирные переговоры?» и т.д. Далее узнать оценку респондентами действий непрямых участников событий – ООН, НАТО, ЕС, США. Например, «Как вы оцениваете поставки оружия от стран НАТО в поддержку вооруженных сил Украины?», «Достаточно или недостаточно ООН принимает участие в миротворческой миссии по конфликту в Украине?». Таким образом, концентрироваться только на одной стороне конфликта – близкой, понятной и напрямую касающейся россиян – будет ограничением, не учитывающим все стороны конфликта.

Снижение чувствительности вопроса. Изучение общественного мнения часто связано с темами, вызывающими у респондентов сложный спектр эмоций. Тогда социологам необходимо подбирать вопросы, смягчающие чувствительность к замеряемому признаку. У авторов стояла задача: снять ответственность респондента за мнения, которые вызывают опасения в связи с криминализацией любого рода непринятия спецоперации. Для этого в формулировку двух вопросов включают упоминание фамилии президента⁸.

Главный аргумент отсылки к президенту заключается в том, что «значимая часть россиян не готова взять на себя ответственность за любое развитие конфликта и будет отличаться полной солидарностью с решением президента, каково бы оно ни было» (с. 127). Предложенная идея включить фамилию, безусловно, уточняет сегментацию общественного мнения насчет военного конфликта. Вопросы составлены таким образом, что безоговорочное согласие с действующим лидером определит группу граждан, не вникающих в происходящее на войне и дистанцирующихся от оценки событий, которые выдадут социально желательные ответы. Также этот показатель выделит активных сторонников СВО, для которых не будет иметь значения перенос ответственности на главу страны и которые не поддержат подготовленные решения, если они идут вразрез с их представлениями о развитии ситуации. Отвечая на эти же вопросы, оппозиционеры получат возможность проявить несогласие с действиями правящего круга и продемонстрировать свой протест против прогосударственной политики. Однако есть опасения, что ссылка на Путина переформатирует респондента на оценку личности главнокомандующего (что фактически совпадает с его политическим рейтингом) и отводит на второй план содержательную часть вопроса о мирном соглашении и новой волне мобилизации вне привязки к внутренним политическим нарративам. Следовательно, с помощью предлагаемой формулировки осуществляется замер общественного мнения о возможных действиях конкурирующих сторон, что свидетельствует о политической поляризации российского общества и не уточняет отношение к СВО. Причем нотки политизации заложены в предубежденности принимать мирные соглашения лишь со стороны России без упоминания второй стороны конфликта, что так или иначе может привести к некоторому искажению данных. Одним словом, не до конца решается задача выявить общественное мнение без влияния социально одобряемой позиции и нагрузки референций от политических персон.

⁷ См.: Левада-центр, сентябрь 2024. URL: <https://www.levada.ru/2024/10/09/konflikt-s-ukrainoju-vnimanie-podderzhka-otnoshenie-k-razlichnym-usloviyam-mirnogo-soglasheniya-v-sentyabre-2024-goda/> (дата обращения: 18.12.2024).

⁸ «Если завтра Владимир Путин подпишет мирное соглашение и остановит военную операцию, вы поддержите его решение?»; «Представьте себе, что президент Путин завтра объявит о новой волне мобилизации. Такое решение вы поддержите или не поддержите?» (с. 128).

С целью снижения сенситивности и без переноса ответственности за решение на президента уместнее было бы упростить формулировку и поставить респонденту задачу через косвенный вопрос, но в неопределенной форме, без номинации фамилий, а именно: «Если завтра официальные власти подпишут мирное соглашение и остановят военную операцию, вы поддержите такое решение?»; «Представьте себе, что завтра официальные власти объявят о новой волне мобилизации. Такое решение вы поддержите или не поддержите?» Словосочетание «военная операция» также можно смягчить на «военные действия» с целью уменьшить ненужные ассоциации с позицией российской власти. Такого рода замеры общественного мнения логично сопоставить с результатами подобного исследования в украинском обществе, но на данном этапе затруднены совместные проекты социологов.

Так или иначе, выбор инструмента определяет контекст, семантику, прагматику формулировок и зависит от решения авторов исследования. Искусство социолога заключается в творческом подходе к определению оптимального варианта в поиске содержательных и работающих вопросов.

Выводы. Содержание книги указывает на монографический характер изучения обозначенной темы, что предполагает включение в поле зрения всех аспектов проблемы. Главный акцент сделан на результатах замеров общественного мнения россиян по определению уровня (не)поддержки военного конфликта. После сегментации сторонников и противников СВО авторы пришли к выводу: «Среди россиян лишь 37% можно отнести к сторонникам мира. Им противостоят около 60% более или менее твердых сторонников продолжения боевых действий» (с. 131). Важно, что при аргументации своего экспертного заключения принимается во внимание влияние на ответы респондентов общего информационного фона в условиях военного конфликта, законодательные ограничения в отношении свободы высказываний. Как сопряженные темы затрагиваются миграция, мобилизация, зарубежные санкции, экономическое положение. Почти за скобками остаются вопросы условий мирных переговоров, национальной идентичности, социальной дистанцированности, протестного потенциала.

Несомненным преимуществом книги является исследовательская и методическая триангуляция. Именно обобщение разного рода замеров с сопоставлением методов формирования выборочной совокупности, тщательной фиксацией различий в составе полученных выборок и их учете в интерпретации, разницы стилистических и смысловых оттенков в формулировках вопросов убеждает в поиске верности трактовок, а не манипуляции цифрами. В дополнение к количественным данным подаются результаты качественных методов об отношении и восприятии войны. В указанных исследованиях применяются многие традиционные способы сбора информации, но практически не используется потенциал цифровых методов. Мониторинг телеграм-каналов, выполненный А.В. Кулешовой, упоминается вскользь и только как качественная методика. Чем обусловлено невнимание к современным инструментам сбора социологических данных – сознательным отказом социологов или отсутствием возможностей? Почему они не применяются – недоверие к новому или привычность уже испытанного? *Online big data, social media listening* и другие способы эмпирических поисков выходят из узкого профессионального интереса и постепенно применяются в практике социологов, поэтому становятся перспективным инструментом для отслеживания динамики общественного мнения.

Другим направлением развития темы является расширение анализа за счет изучения особенностей общественного мнения на Украине, в странах ЕС, США, Китая. По словам авторов, «в российской социологии уже предпринята не одна попытка осознать и обобщить произошедшие изменения» (с. 7). В украинской социологии также проводятся исследования на военную тему, но пока еще не было столь серьезных обобщений и сопоставлений опросов общественного мнения. Задача учитывать позицию мирового сообщества уже обозначена в шестой главе. «На примерах других стран проанализируем, насколько их граждане склонны поддерживать военные действия, ведущиеся их государствами» (с. 205).

Следовательно, целесообразно повторить подобное изучение восприятия войны в разных национальных контекстах.

Социологические данные становятся востребованы в периоды кризисов и военных катастроф. На социальные экспертизы опираются и широкая общественность, и гражданское общество, и управленческий аппарат, и государственная идеологическая машина. Однако ракурс и глубина погружения в результаты социологических исследований разные. Массовой публике сложно разбираться в тонкостях работы рентгеновского аппарата, им достаточно доверять диагнозу и попадать только к проверенным специалистам. Отчетность перед заказчиками, медиапрезентации не предполагают проверку на методологические процедуры. Стейкхолдеров не интересуют прозрачность, этичность, безопасность проведенного исследования, им важна опора на цифры для продвижения своих программ. В лучшем случае они ищут наиболее точные интерпретации для своих прогнозов и нивелирования нежелательных последствий. Серьезная (честная и надежная) аналитика в приоритете у профессионалов, для которых суть научного исследования – в тщательном подходе к решению методических проблем. Импонирует, что авторы продолжают научный анализ, планируют изменять инструменты, стремятся оптимизировать фиксацию данных по столь сложной проблеме, тем самым достигая лучшего понимания общественного мнения, максимально приближенного к реальности.

PUBLIC OPINION POLLS: OPTIONS FOR SOCIOLOGICAL STUDY AMIDST A MILITARY CONFLICT

N.V. KORYTNIKOVA,

University of Strasbourg, France

Nadezhda V. KORYTNIKOVA, Cand. Sci. (Sociol.), Associate Member of the Group of Oriental, Slavic and Neo-Hellenistic Studies (UR 1340), University of Strasbourg, France (kort-nadeshda@yandex.ru).

Abstract. This review presents a critical evaluation of the methodological techniques used by the authors to summarize differing measurements of public opinion and expert opinion on the Russians' attitudes to special operation. It is necessary to apply correct formulations of questions to study the attitude of the population towards a military conflict. Analytical conclusions of V.B. Zvonovsky and A.V. Khodykin are based on methodological and research triangulation. In their work, the authors apply techniques to reduce the sensitivity of survey instruments, assess the representativeness of the surveys conducted in Russia, and compare the results of different research companies. Attention is focused on tools and analytical techniques that deserve attention in a situation of state censorship and self-control over the safety of researchers. It is emphasized that the transparency of methodological procedures protects against manipulation of sociological information. The access to objective information about public attitudes and social tension in global transformations remains an acute issue for students.

Keywords: public opinion polls, question sensitivity, research triangulation, internal validity.